Semenov, S. T.

V gorod

Moskva

1900

Reel: 54 Title: 16

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

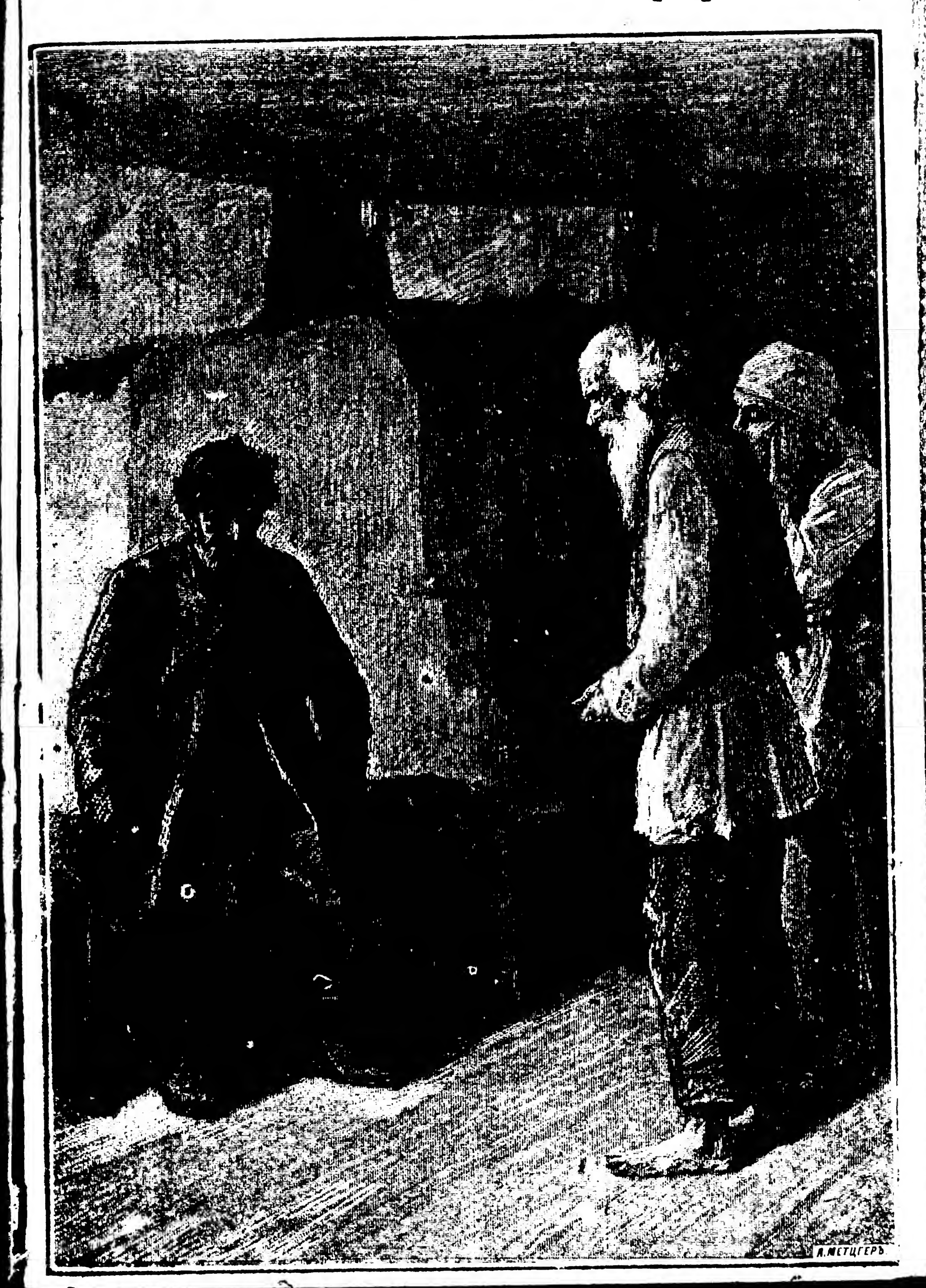
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.16

Control Number: AEO-5258
OCLC Number : 30887538
Call Number : W 381.5917N T841K no. 2
Author : Semenov, S. T. (Sergei Terent'evich), 1868-1922.
Title : V gorod : razskaz / S.T. Semenova.
Imprint : Moskva : Tipografiia Vil'de, 1900.
Format : 36 p. ; 16 cm.
Note : At head of title: Dlia vzroslykh.
Note : "No. 48."
Note : Illustrated cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

ВЪ ГОРОДЪ.

ВЪ ГОРОДѢ

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

ВЪ ГОРОДЪ.

РАЗСКАЗЪ

крестьянина С. Т. Семенова.

№ 48.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка собственный домъ.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 августа 1899 г.

ВЪ ГОРОДЪ.

I.

Въ селѣ Волчановѣ жилъ крестьянинъ Петръ Акимовъ, человѣкъ уже пожилой. Были у него жена Марья и два сына: Алексѣй девятнадцати и Степанъ семнадцати лѣтъ.

Достатокъ у Петра былъ какъ слѣдуетъ: и лошади, и коровы, и овцы были, и другое все по хозяйству въ исправности велось. Хлѣбомъ онъ тоже не бѣдствовалъ. Засѣвалъ онъ поле свое и унаваживалъ хорошо, а потому хлѣбъ у него противъ сосѣдей всегда отличный родился.

Жилъ Петръ съ своимъ семействомъ дома. На заработки никуда не ходилъ.

Алексѣй, старшій сынъ, парень былъ красивый, разбитной: гдѣ на дѣлѣ не дойдетъ — на словахъ докажетъ; любилъ повеселиться и пощеголять.

Алексѣя мать любила больше младшаго сына, Степана.

Не походилъ Степанъ на брата своего: онъ былъ молчаливый и необщительный, любилъ больше уединенье, на улицу въ праздники

ходилъ мало, а больше дома сидѣлъ, либо въ лѣсъ уйдетъ, — тамъ и проходитъ цѣлый день.

Разъ на Святой, когда ребятъ въ избѣ не было, завела Марья разговоръ съ мужемъ:

— Надо бы, старикъ, подумывать о женитьбѣ Алешкиной. Вотъ скоро Красная горка подойдетъ, — женить бы парня пора.

— Оно такъ-то такъ, — отвѣтилъ Петръ. — Знамо, пора: двадцатый годъ парню пошелъ; да думаю подождать.

— Чего же ждать-то? Не теперь, такъ осенью, а придется. А теперь по-моему гораздо лучше бы.

— Чѣмъ же лучше-то?

— Какъ чѣмъ? Лѣто подходитъ: пора рабочая. Лишнія руки въ подспорье; а то мы-то съ тобою плохіе работники.

— Знамо дѣло. А все-таки подождать надо.

— Чего же ждать?

— До осени отложимъ, тамъ видно будетъ. Степка подрастетъ, може за одинъ столъ и женимъ.

— Эна! Куда хватилъ!.. Куда твой Степка въ женихи годится: онъ и слова-то путнаго сказать не можетъ.

— Толкуй: слова сказать не можетъ!.. Зато на дѣлѣ не хуже Алешки докажетъ.

— Оно и видно, что лучше! Будетъ молоть-то, съ чего это ты только взялъ-то?
— Съ чего бы ни было, а правду баю.
— Молчи ужъ!.. Ты все такъ. Съ тобой станъ говорить про дѣло, а ты ладишь—собака бѣла. Что хошь, то и дѣлай!
— Не вякай зря, старуха; я правду говорю и знаю, что дѣлаю.
Замолчала Марья.

II.

Какъ говорилъ Петръ Акимовъ, такъ и сдѣлалъ: не сталъ женить Алексѣя до осени. И принялись они работать опять втроемъ, какъ и прежде.
Засѣяли овесъ, ленъ, посадили картофель и стали приготовляться къ навозницѣ.
Прошелъ май мѣсяцъ, наступилъ іюнь, начала рожь колоситься. Все было хорошо, только вторая недѣля, какъ дождя нѣтъ. Солнце жжетъ и палитъ цѣлый день, а дождя нѣтъ. Пріуныли мужики: по дѣламъ дождя бы надо, а Богъ его не даетъ. Что дѣлать? Видно, такъ Богу угодно. Прошла еще недѣля,—все дождя нѣтъ. Видятъ мужики, что плохо яровыя всходятъ, и рожь не веселитъ,—опустили го-

ловы. Отслужили молебенъ всѣмъ міромъ: ничего не помогаетъ.

И прошло такъ все лѣто. Дождей вовсе мало было, и то небольшіе. Сожгло все въ поляхъ и на лугахъ. Пришло время жать начинать, а жать нечего. Скосили косой рожь. Стали молотить, едва сѣмена воротили.

Не унывалъ особенно Петръ Акимовъ, хоть и ему круто приходилось. Не отчаивался онъ, а только говорилъ:

— Воля Божья! Господь далъ, Господь и взялъ.

Стала ему разъ жена говорить:

— Эхъ, старикъ, глупо ты сдѣлалъ, что не послушался меня. Женили бы по веснѣ Алешку, лучше бы было. А то вотъ теперь на что женить-то? Гдѣ что взять?

— Э, баба, на все Божья воля! Противъ Его не пойдешь. А что не женили Алешку-то, то въ этомъ худого нѣтъ. То было бы пятеро ѣдоковъ-то на зиму, а теперь всего четверо: все выгода.

— Оно, знамо, такъ, да женить-то пора.

— Успѣется. Вотъ, Богъ дастъ, на зиму на заработки пошлю, съ хлѣба долой. Поживетъ до весны, а тамъ — что Богъ дастъ.

— Куда жъ ты его пошлешь-то?

— А въ губернію. У меня тамъ пріятель

есть, плотничаетъ онъ; къ кому и пошлю: авось куда-нибудь и пристроитъ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь.

— Такъ и сдѣлаю. Вотъ, дай срокъ, управимся около дома-то, тогда и пошлю.

Перемолотилъ Петръ Акимовъ все и помолотки справилъ. Начали ленъ мять. Смяли ленъ. Дровъ на зиму навозили. Почти всѣ дѣла передѣлали. Осталось одно: скотину разобрать — которую продать, которую зарѣзать, которую на племя оставить.

Видитъ Петръ, что корму запасено мало, — продалъ лошадь, зарѣзалъ для себя корову да восемь овецъ, поросенка закололъ и думаетъ: „Убоины-то много, а хлѣба-то мало — не хватитъ до нови; придется Алешку въ городъ отпускать“.

И сталъ Петръ собирать сына: велѣлъ женѣ харчей да рубашекъ на дорогу готовить, а самъ паспортъ выправилъ полугодовой да письмо пріятелю написалъ, чтобы онъ объ Алексѣѣ похлопоталъ. Собрали совсѣмъ Алексѣя, и говоритъ ему старикъ:

— Ну, сынокъ, иди съ Богомъ; поживи на чужой сторонѣ, попроси Кириллу Петрова (такъ звали пріятеля): онъ тебя куда-нибудь пристроитъ. Да нанимайся куда поскорѣе, чтобы отъ работы не отвыкнуть; а то, при

легкой-то работѣ, неравно избалуешься. Проживешь до Миколы Вешняго, домой приходи. Ступай съ Богомъ! до уѣзда-то тебя Степка подвезетъ, а тамъ на чугункѣ доѣдешь.

Выслушалъ Алексѣй наказъ отцовскій, простился съ родителями и поѣхалъ.

III.

Пріѣхалъ Алексѣй въ городъ, разыскалъ, какъ отецъ сказалъ, Кириллу Петрова. Былъ Кирилла человѣкъ вдовый. Жилъ онъ одинъ въ маленькой квартирѣ; работалъ по знакомымъ домамъ по плотницкой части. Купцы его уважали за честность, и работы у Кириллы было вдоволь.

Зашелъ Алексѣй къ Кириллѣ Петрову,—сказалъ, что онъ сынъ Петра Акимова. Обрадовался Кирилла, сталъ разспрашивать, какъ они живутъ дома и зачѣмъ Алексѣй въ городъ пришелъ.

— Да вотъ, дядюшка, жить пришелъ,— сказалъ Алексѣй. — Вотъ кабы ты мнѣ мѣстечко поискалъ?

— Мѣстечко! Какое же тебѣ мѣстечко?— спросилъ Кирилла.

— Какое-нибудь, все равно? Мнѣ ужъ не до хорошаго.

— Ладно, похлопочу... Ты поживи пока у меня.

На другой день сходилъ Кирилла къ одному знакомому купцу-магазинщику и попросилъ его насчетъ Алексѣя. Купецъ велѣлъ привести парня.

Вернулся Кирилла домой.

— Пойдемъ! — говоритъ Алексѣю. — Можетъ, придѣлишься!

Пришли. Осмотрѣлъ купецъ Алексѣя и спросилъ:

— Раньше-то ты гдѣ жилъ, молодецъ?

— Нигдѣ не жилъ, ваше степенство! — бойко отвѣтилъ купцу Алексѣй.

— Нуженъ мнѣ швейцаръ въ магазинъ. Не знаю, сможешь ли ты?

— Отчего жъ не сможетъ? — вступился Кирилла. Парень разбитной, даромъ, что изъ деревни.

— Ну, ладно, оставайся, — сказалъ купецъ. — Давай паспортъ.

Отдалъ Алексѣй паспортъ, а самъ пошелъ къ Кириллѣ за вещами.

— Вотъ тебѣ и мѣсто, — говорилъ Кирилла, идучи съ Алексѣемъ домой. — Живи. Только, смотри, меня не сконфузь: хозяинъ хорошій.

— И, что ты, дядя Кирилла? Ужели жъ я не постараюсь?

— Ну, то-то!

Взялъ Алексѣй вещи свои, простился съ Кириллою, поблагодарилъ его за хлопоты и пошелъ на мѣсто.

Прожилъ Алексѣй на мѣстѣ недѣлю; сталъ привыкать и видитъ, что житье тутъ хорошее.

Хоть жалованье и неизвѣстно, зато работа небольшая: только и дѣла, что утромъ встать да магазинъ выместь; а потомъ, когда придутъ приказчики, у двери стоять, отворять да затворять, если кто идетъ. Случится еще иногда товаръ покупателю вынесть на извозчика; такъ это не даромъ — на чай за это даютъ, кто гривенникъ, а кто и больше. И еще хорошо тѣмъ Алексѣю, что обувь и одежа у него хозяйскія. Какъ пришелъ онъ, такъ и одѣли его въ коротенькій казакинчикъ суконный, дали шаровары плисовые да сапоги опойковые. Одѣлся онъ такъ первый разъ да обрадовался: никогда ему не приходилось такой одежы носить, а теперь—на-ко-ся, на первыхъ порахъ какъ нарядили! И харчи у нихъ велись хорошіе: утромъ чай съ булками, вечеромъ съ лимономъ; за обѣдомъ — щи съ бараниной, по праздникамъ — лапша со свининой, картошка жареная съ телятиной, каша молочная; въ ужинъ то же.

И обрадовался парень, что на такое мѣсто попалъ, и наказъ отцовскій забылъ.

IV.

Прожилъ мѣсяцъ Алексѣй, спросилъ жалованье у хозяина, и говоритъ ему хозяинъ, что 15 рублей ему жалованья. Обрадовался Алексѣй пуще прежняго, не ждалъ онъ этого, думалъ—пять-то рублей положилъ бы, и то хорошо; а тутъ эна сколько—15 рублей.

И сталъ онъ стараться хозяину заслуживать. Нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ что-нибудь про приказчика какого или рабочаго; а хозяину это нравилось, и сталъ онъ всячески отличать Алексѣя: то ситцу на рубашку подаритъ, то на чай полтину дастъ.

Сталъ Алексѣй съ городской жизнью знакомиться, какъ тутъ живутъ разузнавать. Сталъ послѣ запора магазина въ трактиръ похаживать. Посидитъ часочекъ, машину послушаетъ, на народъ поглядитъ, да и спать пойдетъ.

Былъ у нихъ при магазинѣ рабочій, Антономъ звали. Парень бѣдовый. Подружился съ нимъ Алексѣй, и начали они вмѣстѣ по трактирамъ ходить. Какъ запрутъ магазинъ, они и пойдутъ вмѣстѣ. Сходятъ въ одинъ трактиръ, сходятъ въ другой, разгуляются. И стало Алексѣя тянуть къ разгулу. Сталъ онъ пивцо попивать и къ водочкѣ привыкать.

Одинъ разъ, 1-го числа, получили они жалованье и захотѣли вспрыснуть его. Выбралъ Антонъ одинъ изъ трактировъ повеселѣе и повелъ туда Алексѣя. Пришли они въ заведенье, сѣли за столъ и начали людей разсматривать.

И видятъ они, что народу много въ трактирѣ, и шумъ стоитъ невообразимый: машина играетъ, пѣсни поютъ. Сидятъ посѣтители съ раскраснѣвшимися лицами,—навеселѣ видно. Между народомъ дѣвки какія-то ходятъ: разряженныя, лицомъ несвѣжія, набѣленныя, нарумяненныя. Ходятъ, папироски курятъ, съ гостями зубоскальничаютъ. Посмотрѣлъ на нихъ Алексѣй и спрашиваетъ у товарища:

— Что это, Антонъ, за барышни?

— Какія? Эти-то?—говоритъ Антонъ и самъ смѣется.—Это барышни хорошія. Хочешь познакомиться?

— Что ты!.. Я такъ спросилъ.

— Ну, не отлынивай; а самому, чай, страхъ какъ хочется?

— Нѣтъ, я такъ...—замялся Алексѣй.

— Будетъ притворяться-то. Вижу. Эй, ты, мамзель, подь-ка сюда!—сказалъ Антонъ одной изъ дѣвокъ и схватилъ ее за платье.

— Что тебѣ?—спросила дѣвка.

— Садись съ нами за компанію.

— Отчего же, извольте! Только что же такъ-то, за пустымъ столомъ?

— Ну, вотъ! А ты садись! Тамъ увидимъ: деньги у насъ есть. За угощеніемъ не постоимъ.

Дѣвка сѣла. Сильно сконфузился Алексѣй: не знаетъ, куда глядѣть, что дѣлать.

— Что жъ, голова, полбутылочки, что ли?— спросилъ его Антонъ.

— Ну, что жъ, давай.

Антонъ заказалъ. Попросила дѣвка у Алексѣя папироску. Смутился Алексѣй, не знаетъ, что отвѣтить ей. Смѣется Антонъ:

— Ишь, у него спрашиваетъ: онъ у насъ монахомъ живетъ, не куритъ.

— А... вотъ какъ. Значитъ, старовѣръ?

Покраснѣлъ Алексѣй.

— Нѣтъ,—говоритъ,—что вы? Какой я старовѣръ? Я такъ...

— Такъ почему же не курите?

— Да такъ, не пріучился.

— Ну, такъ поучиться надобно. Возьмите-ка десятокъ папиросъ и меня угостите.

Спросилъ Алексѣй пачку папиросъ, открылъ ее, предложилъ дѣвкѣ и самъ закурилъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказала дѣвка и подмигнула Антону.—Мы васъ всему обучимъ.

Ободрился немного Алексѣй, сталъ посмѣ-

жѣе. Вскорѣ подали водки, и начали они выпивать. Черезъ полчаса на столѣ стояло еще полбутылки водки и съ полдюжины пива. Антонъ пригласилъ еще одну дѣвку. А первая подсѣла ближе къ Алексѣю и стала подсмѣиваться надъ его стыдливостью, частенько приговаривая:

— Мы васъ отъ деревенщины отучимъ.

Захмелѣлъ Алексѣй, разошелся.

Немного спустя, Антонъ и говоритъ:

— Ну, будетъ, кончайте, да пора итти. А ты, Алеша, вотъ, знай, расплачивайся.

Расплатился Алексѣй и пошелъ за товарищемъ. И дѣвки пошли за ними...

И въ ту ночь отучился Алексѣй отъ деревенщины: всякій стыдъ потерялъ.

V.

На другой день, утромъ, пришли Алексѣй и Антонъ домой къ 7 часамъ. На это никто не обратилъ вниманія, и они оба занялись попрежнему своими дѣлами.

Съ удовольствіемъ вспоминалъ Алексѣй прошлую ночь, и съ этихъ поръ сталъ стараться почаще проводить такъ время. Денегъ на это у него доставало. Хозяинъ не обращалъ вниманія на поведеніе своихъ служа-

щихъ, лишь бы они являлись на дѣло во-время. Времени тоже у Алексѣя свободнаго было много. Такъ пошли дни за днями. Алексѣй втягивался въ разгулъ. Забота о домашней нуждѣ позабылась, позабылись и отцовскія наставленія.

Прошла зима, наступила Пасха. На праздникъ хозяинъ подарилъ Алексѣю три рубля. Приложилъ ихъ Алексѣй къ оставшемуся жалованью, что получилъ за зиму—оказалось всѣхъ денегъ 23 рубля. Домой онъ послалъ всего 10 рублей, остальные прогулялъ съ дѣвками.

Вспомнилъ Алексѣй, что черезъ мѣсяцъ домой ѣхать нужно, задумался. Привыкъ онъ уже къ легкой работѣ и веселой жизни и, не особенно радовался отъѣзду на родину. Остался бы онъ тутъ еще пожить, да та бѣда—паспортъ выходитъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Осталась одна недѣля до Миколы. Дѣлать нечего, нужно домой ѣхать. Взялъ расчетъ Алексѣй, простился съ хозяиномъ и съ рабочими, зашелъ къ Кириллѣ Петрову, поблагодарилъ его за всѣ одолженія и пошелъ на вокзалъ. Антонъ пошелъ провожать его. Пріятели завернули на прощанье въ трактиръ, выпили водочки и разговорились.

— Другъ Антоша,—говоритъ Алексѣй,— очень ужъ мнѣ неохота въ деревню ѣхать.

— Что такъ?

— Да самъ, небось, знаешь, что тамъ за жизнь; работай какъ волъ, а спроси поѣсть— пустыхъ щей нальютъ. Развѣ здѣсь-то такъ?

— Вѣстимо, здѣсь не такъ. Куда противъ здѣшней жизни деревенская годится?

— То-то и есть-то. Опять и погулять— гдѣ тамъ, что возьмешь? А здѣсь-то все подъ рукой.

— Что говорить, знаю.

— Эхъ, кабы не отецъ, ни въ жизнь не разстался бы я съ городомъ! Кажись, весь вѣкъ прожилъ бы здѣсь.

— А что жъ отецъ-то?

— Что отецъ? Развѣ онъ отпуститъ? Это теперь отпустилъ, потому хлѣба не уродилось. А коли урожай будетъ, то и живи въ деревнѣ, небо копти.

— Да, тутъ хорошаго мало.

— Какое хорошее! Горе одно.

— Ну, что жъ дѣлать? Судьба твоя, знать, такая.

— Знамо, судьба... Эхъ-ма! Давай-ка выпьемъ еще напослѣдяхъ, да и распрощаемся.

— Давай.

Выпили еще пріятели и расстались. Антонъ домой пошелъ, Алексѣй — на чугунку.

VI.

Пріѣхалъ Алексѣй домой, привезъ родителямъ гостинцевъ: отцу кушакъ, матери платокъ, а Степану жилетку, да денегъ 15 рублей отцу далъ. И началъ Алексѣй опять работать попрежнему. Только не съ такой охотой, какъ раньше, взялся онъ за дѣло: не лежало уже у него сердце къ мужицкой работѣ.

Видитъ старикъ, что сынъ много перемѣнился послѣ городской-то жизни: и не съ охотою за дѣло принимается, и на ѣду не такъ напираетъ — видно, она ему не нравится — и изъ лица перемѣнился за двѣ недѣли, — такъ исхудалъ, что не узнаешь: глаза ввалились, носъ заострился, — просто не тотъ парень, да и только. И догадался Петръ Акимовъ, что не нравится сыну работа деревенская, что тоскуетъ онъ по городѣ, и сталъ говорить ему:

— Ты бы, Алешка, отвыкалъ отъ городского-то да старался бы работать, какъ прежде. А то что ты дѣлаешь-то. Глаза бы не глядѣли!

— Что же я сдѣлаю, когда не клеится? — отвѣтилъ угрюмо Алексѣй.

— Вотъ то-то и есть: не слушалъ, что тебѣ отецъ-то наказывалъ. По-своему захотѣлъ сдѣлать? Вотъ и возьми!

Отвернулся Алексѣй молча отъ отца. Ему и такъ тошно, а тутъ еще отецъ упрекаетъ. Стало ему еще тошнѣе.

Разъ, уже въ Петровки, пошелъ Алексѣй со Степаномъ во ржи пустовыя полосы косить. День былъ хорошій. Степанъ ловко принялся за дѣло, началъ косить и почти вдвое противъ Алексѣя выкосилъ. Докосили они полоску; съ сердцемъ бросилъ Алексѣй косу въ сторону, улегся на свѣжей травкѣ, началъ папироску дѣлать. Подсѣлъ къ нему Степанъ.

— Что, Степка, не хочется тебѣ въ городъ?—спросилъ Алексѣй брата.

— Зачѣмъ?

— Да жить!

— Нѣтъ, не хочется. Мнѣ и въ деревнѣ хорошо.

— То-то дурень! Что ты въ деревнѣ хорошаго нашелъ?

— А что въ городѣ-то хорошаго?

— Въ городѣ-то? Гм... сравнилъ тоже. Въ городѣ-то развѣ такую работу ломаешь? Да харчи деревенскимъ чета, что ли? А ве-

селье-то какое! Здѣсь вотъ всю жизнь не увидишь такого.

— А-а! Что жъ тамъ за веселье?

— Веселье-то? И, братецъ мой, ежели, къ примѣру, въ праздникъ придешь въ трактиръ, закажешь пива или водки, и сиди глядя да слушай. Тутъ и пѣсни поютъ, и пляска, и машина играетъ, такъ за сердце и хватаетъ. А барышни-то какія? Не нашимъ фуфычкамъ чета! Захошь, напримѣръ, съ ней поговорить или что другое, такъ пригласи ее къ себѣ, угости, отдай рубль-цѣлковый, и что хошь съ ней то и дѣлай.

— Вотъ какъ! — засмѣялся Степанъ. — А по-моему, это зря ты такъ думаешь, Алешка. Всѣ эти твои удовольствія-то — глупость одна: пользы-то для тебя мало, а грѣха-то много. Ну, что за радость пѣсни или машину слушать? Пѣсни-то и у насъ поютъ, и пляшутъ тоже. А барышни-то твои — шлюхи, чай: отъ нихъ тоже хорошаго не жди. Влопаешься съ ними такъ, что и жизни не радъ будешь. Вонъ Ванька Арсентьевъ разсказывалъ: по-цалъ тоже съ кралями-то городскими, да и захватилъ... Спасибо, товарищи надоумили къ доктору сходить поскорѣе. А то бы, говоритъ, заживо сгнилъ. И то двѣ красненькихъ стало вылѣчиться-то.

— Послушалъ тоже Ваньки Арсентьева! Онъ тебѣ наговоритъ четверговъ съ недѣлю.

— Да все-таки хорошаго мало. То ли дѣло у насъ въ деревнѣ лѣтомъ, посмотри-ка. Рай, ей Богу, правда! Ишь онъ, лугъ-то, какъ раскинулся? Цвѣты на немъ, травы разныя. Глядѣть любо. А птички то, чу, какъ поютъ! лучше машинъ нашихъ заграничныхъ. А вотъ, Богъ дастъ, настоящій покосъ начнется, такъ работаешь до упаду, а устали не чувствуешь: такъ-то тебѣ легко, такъ отрадно глядѣть на міръ-то Божій... А въ праздникъ, коли въ лѣсъ пойдешь, тамъ тебѣ и земляника и малина, прямо свѣженькая, сама въ ротъ лѣзетъ... Да что, и примѣнить-то нельзя къ городу-то твоему нашу жизнь деревенскую.

— И что ты, Степка, за чудакъ, удивительно! Какое веселье нашелъ на лугу да въ лѣсу-то? На цвѣты да на птицъ твоихъ плюнуть стоитъ. А ты бы вотъ послушалъ скрипку хорошую, тогда и говорилъ бы.

— Да ужъ не сравнится ни съ чѣмъ птичье пѣнье,—сказалъ Степанъ.—Вонъ хоть соловей, къ примѣру, зальется-зальется—и слушать любо.

Плюнулъ Алексѣй съ досады, отвернулся отъ брата и сталъ напѣвать городскую безстыжую пѣсню, что въ трактирѣ узналъ.

VII.

Пришла осень. Убрались мужики съ поля. Хлѣбъ уродился въ этомъ году хорошій. Послѣ молотьбы поѣхалъ Петръ Акимовъ со Степаномъ на мельницу. Алексѣй дома съ матерью остался.

Совсѣмъ измѣнился за лѣто парень: искудалъ, постарѣлъ, словно невѣсть какое горе перенесъ. Стала старуха разспрашивать его:

— И отчего это, сынокъ, ты такъ перемѣнился? Словно лихая болѣзнь тебѣ приключилась. И изъ лица перемѣнился, и на словахъ не такой сталъ, и на дѣлѣ тоже.

— Эхъ, матушка, кабы ты знала да вѣдала, что у меня въ душѣ-то дѣлается, такъ не спрашивала бы.

— Да что жъ, дитятко родимое, аль зазнобу какую въ городѣ оставилъ?

— Нѣтъ, не то. Ужъ очень мнѣ деревенская жизнь опостылѣла: просто глаза ни на что не глядѣли бы.

— Да отчего же такъ, болѣзный ты мой? Вѣдь жилъ же раньше, ничего.

— То было раньше, а то теперь. Раньше-то я думалъ, что всѣ люди живутъ такъ, какъ и мы. А потомъ, какъ поглядѣлъ, анъ дѣло-то совсѣмъ другое. Одни люди живутъ, работа-

ютъ, какъ лошади ломаютъ, а ѣдятъ, какъ у хорошаго хозяина собаки, да и тѣ лучше. А другіе люди и работаютъ мало, и ѣдятъ хорошо, и деньги имѣютъ, и повеселиться могутъ во сто разъ лучше тѣхъ. Вотъ, какъ узналъ я, что можно и намъ жить такъ же,— и начала меня забота тревожить, какъ бы пожить по настоящему. И во снѣ-то мнѣ снится и наяву-то представляется эта жизнь-то веселая.

— Гдѣ же это живутъ-то такъ?

— Гдѣ? А въ городѣ-то! Развѣ тамъ такъ живутъ-то, какъ у насъ? Я вотъ всего малость пожилъ, и то словно въ раю побывалъ.

— И, родимый, пожилъ маленько, ну, и ладно. Теперь дома поживи. Не вѣкъ же въ городѣ жить?

— Нѣтъ, матушка, какъ хочешь, а я въ деревнѣ не стану жить, ей Богу!

— Да отчего же, родимый?

— Оттого, что не могу.

— Да пуститъ ли тебя отецъ-то?

— Пуститъ. Коль не захочу жить, такъ, небось, силой не заставитъ.

— Что жъ это—ссоры съ отцомъ заведешь? А ты оставь лучше городъ-то свой да живи-ка въ деревнѣ,—лучше будетъ. Вотъ

женимъ, Богъ дастъ, къ Михайлову дню. Съ женой-то и городъ забудешь.

— Вотъ еще что придумали! Чтобы я жениться сталъ? Ни за что! Такъ и знайте.

— Отчего же, глупенькій? Не вѣкъ же холостымъ быть? Надо и жениться.

— Женюсь, когда время придетъ, а теперь не буду.

— Ну, какъ хочешь... А я бы тебѣ не совѣтовала такъ дѣлать, потому хорошаго тутъ мало.

— Ничего. А ты вотъ что матушка: когда я буду у отца въ городъ проситься, ты замолви за меня словечко. А то если и ты будешь держать, то худо надъ собой сдѣлаю.

Мать замолчала.

VIII.

Кончились всѣ работы крестьянскія. Стали мужики пиво варить, годовой праздникъ справлять. Три дня прогуляли, а потомъ залегли на печку и стали зимы ожидать.

Сталъ Алексѣй у отца въ городъ проситься.

— Пусти,—говоритъ,—батюшка, въ городъ опять.

— На что?—спрашиваетъ старикъ.

— Жить. Все равно зиму-то нечего дома дѣлать.

— Что жъ тебѣ дома-то аль хлѣба не хватаетъ?

— Да не то. Что жъ я зря зиму-то буду жить? Въ городѣ все что-нибудь да выживу.

— Нѣтъ, не надо,—говоритъ — старикъ. Ты, эна, одну зиму пожилъ, и то на деревенскую работу-то сталъ волкомъ глядѣть. А ежели еще поживешь, такъ совсѣмъ собачьей шерстью обрастешь.

— Пусти, батюшка.

— Не пущу. Живи дома. Вотъ придетъ мясоѣдъ—женимъ, Богъ дастъ.

— Не хочу я жениться. Въ городъ хочу.

— Ну, мало ли что ты хочешь, да слушать-то тебя не будутъ.

— Батюшка родимый, пусти Христа-ради!— сталъ упрашивать Алексѣй и повалился отцу въ ноги.

— Что ты, съ ума, что ль, спятилъ? А? Что те такъ приспичило?

— Да ужъ отпусти его, старикъ,—сказала Марья.—Ишь парень самъ не свой. Отпусти, пусть поживетъ зиму-то. Набьетъ оскомину, ну, и не будетъ проситься.

Разсердился старикъ, ушелъ изъ избы. Потомъ опять пристали къ нему мать съ сыномъ: „отпусти да отпусти“.

— Ну, да песъ съ вами,—крикнулъ, на-

конецъ, Петръ Акимовъ: — ладно, отпущу! Только смотри, Алешка, если послѣ да что-нибудь выйдетъ, на себя пеняй.

— Батюшка родимый, ничего не выйдетъ. Проживу зиму и больше проситься не буду, ей Богу.

— Ладно, увидимъ.

И стали опять Алексѣя въ городъ собирать. Приготовила ему Марья бѣлья, лепешекъ напекла; а старикъ паспортъ выправилъ, денегъ на дорогу далъ. И отправился парень.

Вышелъ Алексѣй изъ дому — и души не чаялъ отъ радости: наконецъ-то отпустилъ его въ городъ отецъ. Ѣдетъ онъ на машинѣ, и кажется ему, что и машина-то тихо идетъ: очень ему хотѣлось поскорѣе въ городъ попасть.

Наконецъ, вотъ и городъ. Выскочилъ Алексѣй изъ вагона и спѣшитъ по улицамъ къ дому, гдѣ квартира Кириллы Петрова была. Взошелъ Алексѣй въ квартиру и видитъ, что та же квартира, да не такъ обставлена. Спросилъ онъ, здѣсь ли Кирилла живетъ. Сказали, что нѣтъ, переѣхалъ. А куда — не знаютъ.

Пріунылъ Алексѣй и пошелъ въ магазинъ, гдѣ жилъ. Приходитъ туда, спрашиваетъ Антона. И говорятъ ему, что нѣтъ здѣсь Антона, а расчелся онъ и уѣхалъ въ Москву. Еще

больше опечалился Алексѣй. Надумалъ онъ къ хозяину подойти, попросить, не возьметъ ли опять. Подошелъ, сталъ просить. Не беретъ хозяинъ; говоритъ, что народъ есть и больше не нужно.

IX.

Ворочается съ боку на бокъ Алексѣй на постояломъ дворѣ, а заснуть не можетъ: тревожатъ его разныя мысли — и худыя и хорошія—не даютъ ему покою. Представляется ему, что живетъ онъ опять у прежняго хозяина, пьетъ и ѣстъ хорошо, и деньги у него имѣются, и на гулянья ходитъ, и все какъ прежде было, и радостно бьется сердце у парня. А то бредится опять отцовская изба: приходитъ онъ, усталый и измученный работой, домой, проситъ ѣсть. Ему подаютъ чашку пустыхъ щей и кусокъ черстваго хлѣба. И не хочется ему ѣсть этого, а дѣлать нечего,—большаго взять негдѣ. И вздрагиваетъ Алексѣй: противной кажется ему эта жизнь... Перевернулся онъ на другой бокъ и думаетъ: „Нѣтъ, не пойду въ деревню. За три рубля наймусь куда-нибудь, а не пойду".

Пошелъ Алексѣй на другой день по городу мѣста искать. Да не берутъ нигдѣ: знакомства

нѣтъ, а мастерства онъ никакого не знаетъ. Куда дѣваться? Спрашивалъ онъ у многихъ насчетъ должности, но никто ему не помогъ.

Проходилъ онъ такъ недѣлю; деньги всѣ прожилъ, пришлось рубашки продавать, чтобы прокормиться. Даютъ дешево, а продавать надо. Продалъ онъ двѣ пары,—и рубля не выручилъ. Да этихъ денегъ не надолго хватило.

Прошла еще недѣля. Обносился совсѣмъ парень. Сапоги растопталъ. Изъ вещей что было—продалъ. Осталась только одна пара рубахъ да двугривенный денегъ.

Зашелъ онъ разъ въ трактиръ чаю напиться. И видитъ: сидитъ за большимъ столомъ артель,—человѣкъ въ десять какихъ-то рабочихъ, оборванныхъ, грязныхъ. Сидятъ, чай пьютъ. И четверть водки на столѣ передъ ними стоитъ. Всѣ порядочно выпивши; шумятъ, между собой о чемъ-то спорятъ.

Спросилъ Алексѣй у человѣка:

— Что это за люди?

— Золоторотцы,—говоритъ половой.

— Какіе-такіе золоторотцы?

— А вотъ,—говоритъ,—какіе—видишь.

— Чѣмъ же они занимаются?

— Работаютъ на вокзалѣ: вагоны нагру-

жаютъ да выгружаютъ. Деньги хорошія зарабатываютъ.

— Что же такіе рваные?

— Пьянствуютъ сильно: день работаютъ, два дня гуляютъ.

Посмотрѣлъ на нихъ еще Алексѣй и подумалъ:

„Вотъ бы къ нимъ поступить. Можетъ-быть, что и путное выйдетъ“. Подумалъ онъ, какъ бы попроситься, да не знаетъ. Такъ прямо — смѣлости не хватаетъ, а посовѣтоваться не съ кѣмъ. И сталъ онъ ждать, не подойдетъ ли случай заговорить съ ними. Прошло еще немного времени, и видитъ Алексѣй—вынимаетъ одинъ изъ золоторотцевъ кисетъ изъ кармана и начинаетъ папироску дѣлать. Подошелъ къ нему Алексѣй и говоритъ:

— Дай, дядюшка, табачку на папироску.

Взглянулъ тотъ на Алексѣя осовѣлыми глазами и говоритъ:

— Аль купить не на что?

— Не на что. Безъ мѣста хожу вотъ уже третья недѣля.

— Такъ... Изволь, покури... А по какой части-то?

— Кто? Я-то?

— Ну, знамо, а то кто жъ?

— Да куда придется, все равно. Я изъ деревни.

— Первый разъ.

— Нѣтъ, хотя не первый. Жилъ тутъ, да немного.

— Въ какихъ?

— Въ швейцарахъ.

— Хорошее дѣло. А теперь куда думаешь?

— Богъ знаетъ. Куда-нибудь бы радъ. Хоша бы и въ поденщики.

Подумалъ немного золоторотецъ, потомъ сказалъ:

— А хочешь къ намъ въ артель поступить?

— А что у васъ дѣлать-то? спросилъ Алексѣй.

— Дѣло-то у насъ не хитрое, только ловитое. Силы-то есть?

— Кажись, Богъ не обидѣлъ.

— Ладно... А водку пьешь?

— Потребляю.

— Ну, вотъ, садись да ставь вспрыски: работать съ нами будешь.

— Съ радостью бы поставилъ, да не на что.

— Э, братъ, дѣло дрянь! Ну да обойдется! Ребята, нашего полка прибыло: новый товарищъ нашелся!—крикнулъ золоторотецъ своимъ.

— Ну, что жъ... Пущай его... Вспрыски надо бы.

— Вспрыски будутъ,—сказалъ первый золоторотецъ. Видишь ли, молодецъ, я старо-

ста ихній. Такъ вотъ заложу за тебя полтора цѣлковыхъ на вспрыски. Смотри, чтобы послѣ отдать.

— Ладно, ладно, будь спокоенъ.

— То-то.

Скоро появилась на столѣ четвертная, и принялась вся компанія усердно вспрыскивать новаго товарища.

X.

Началась новая жизнь для Алексѣя. Сталъ онъ привыкать къ своимъ товарищамъ. Трудно ему было на первыхъ порахъ, работа была тяжелая — цѣлый день приходилось ворочать тюки съ товаромъ, либо мѣшки съ рожью, либо кирпичи выгружать. За то работники были хорошіе: рубля по полтора въ день зарабатывали.

Много зарабатывали, да и много пропивали они: все свободное время проводили въ трактирѣ или въ портерной и зачастую пропивали тамъ весь свой заработокъ.

Только Алексѣй былъ бережливѣе другихъ. Не больно-то нравилось ему такое житье. Понемногу сталъ онъ откладывать деньги, и за одинъ мѣсяцъ скопилъ рублей десять. Ободрился Алексѣй и сталъ откладывать по-

больше. „Съ деньгами, думаетъ, скорѣй можно найти мѣсто почище и работу полегче“.

Прошла зима, подходила весна. Алексѣеву паспорту оставалось сроку два мѣсяца, а онъ и думать не хотѣлъ опять въ деревню ѣхать. „Вотъ, думаетъ, пріищу мѣсто хорошее, а тамъ возьму отсрочку и проживу лѣто въ городѣ; а отцу деньжонокъ послать можно,— пусть найметъ на мое мѣсто работника на лѣто; а на зиму-то отецъ легко паспортъ дастъ“.

Такъ разсуждалъ Алексѣй, да не выгорѣло его дѣло.

Пришла Пасха. Золоторотцы всю недѣлю гуляли по трактирамъ и скорехонько спустили свои заработки. Алексѣй хоть и ходилъ съ ними да пилъ меньше другихъ, и на свои не угощалъ. Разъ и пристали къ нему товарищи:

— Угости да угости. За зиму, небось, много накопилъ.

Сталъ-было Алексѣй отговариваться, да пригрозили они его вздуть, коли не выставитъ водки. Дѣлать было нечего. Пришлось уступить. Поставилъ Алексѣй четверть, думалъ отдѣлаться; да увидали у него товарищи десятирублевку, когда онъ сталъ разсчитываться за водку, и начали они снова приставать: „давай, молъ, еще водки“. Отказался Алексѣй. Накинулись на него пьяные золоторотцы съ

кулаками и ругательствами, исколотили до полусмерти, деньги всѣ расхватали; а его самого, полуживого, выкинули изъ трактира.

Пролежалъ Алексѣй на улицѣ, пока городовой не свезъ его въ часть, а оттуда въ больницу. Пролежалъ онъ тамъ полтора мѣсяца. Выписался изъ больницы. Куда итти? Денегъ ни гроша. На себѣ лохмотья одни остались. Въ деревню итти пѣшкомъ — не дойти: ослабъ крѣпко послѣ болѣзни; а доѣхать не на что. Оставалось одно: просить милостыню. И пошелъ парень побираться по улицамъ и трактирамъ.

Сначала трудно было рѣшиться руку протягивать, а потомъ ничего — попривыкъ. Не разъ приходилось ему слышать отъ прохожихъ упреки и насмѣшки, что такой молодой парень, да побирается, работать не хочетъ. Да что жъ дѣлать? Голодъ не свой братъ. Хоть и ругаютъ, а все спасибо скажешь, коли сунутъ грошъ.

Насбиралъ Алексѣй въ первый день копеекъ семнадцать и нѣсколько ломтей хлѣба. По привычкѣ онъ завернулъ въ кабакъ посидѣть, да и выпилъ сорокоушку: думалъ горе свое залить. На другой день опять пошелъ побираться, и опять его въ кабакъ потянуло. Такъ день за днемъ парень побирался, а деньги

все въ кабакъ шли. И что дальше, то больше втягивался парень въ пьянство; а о томъ, чтобы работы искать, ужъ и думать забылъ. И не такъ ужъ стыдно ему стало нищенствовать, и руку онъ сталъ протягивать посмѣлѣй и выпрашивать жалобнымъ голосомъ поназойливѣе.

Ночевалъ онъ въ ночлежномъ домѣ. Тамъ много встрѣчалъ онъ такихъ же лодырей, какъ и онъ самъ. Многіе изъ нихъ жили милостынею, другіе—воровствомъ: такихъ были цѣлыя шайки. Много онъ видѣлъ тамъ и женщинъ, проводившихъ время въ праздности и развратѣ. Попадались между ними честныя, но немногія изъ нихъ выдерживали, чтобы не поддаться дурной жизни.

Быстро втянулся Алексѣй во все то, что видѣлъ вокругъ, и зачерствѣла душа у него, и пересталъ онъ понимать, что онъ дѣлаетъ и какъ живетъ. Одна у него теперь была забота: какъ бы побольше насбирать грошей да напиться допьяна.

Прошли лѣто и зима, и еще лѣто. И забылъ онъ про деревню, забылъ отца съ матерью.

XI.

Былъ какой-то праздникъ осенью. Петръ Акимовъ сидѣлъ въ своей избѣ за столомъ и разговаривалъ со старухою. Степана они недавно поженили, и старики нарадоваться не могли на сына да на молодуху.

Степанъ уѣхалъ съ женою къ тестю въ гости. Сидятъ въ избѣ одни старики и толкуютъ.

— Дивное дѣло,—говоритъ Петръ Акимовъ,—куда это только Алешка дѣлся? Вотъ ужъ больше года, а отъ него ни слуху ни духу.

— Богъ его знаетъ... Ужъ не померъ ли?—сказала Марья и тяжело вздохнула.

— Да если бы померъ, то все бы дали знать: у него паспортъ-то есть, чай.

— Да... И не придумаешь, что случилось съ парнемъ; пропалъ, какъ въ воду канулъ.

— И то, ровно въ воду... Ишь, въ городъ да въ городъ отпрашивался, а ты тоже за него стояла, а что вотъ... Богъ его знаетъ, что съ нимъ въ городу-то...

— Ужъ, видно, судьба его такая.

— Судьба-то, судьба... Эхъ, если бы знамо да вѣдамо, не пустилъ бы я его ни за что первый-то разъ! Отдалъ бы куда около себя, хоть изъ-за хлѣба, и то бы лучше было.

Задумался Петръ, оперся локтями о столъ и просидѣлъ такъ долго.

Къ вечеру пришелъ староста и сказалъ:

— Ну, Петръ Акимовъ, нашелся твой соколъ-то, Алешка.

— Что ты! Да гдѣ же онъ?

— Въ волости. Этапомъ пригнали. Иди завтра, получай.

— Ахъ, ты, родимый мой! Да какъ же такъ этапомъ?

— Да такъ. Безъ паспорта, должно, попался. Ты того—захвати ему одежонку какую-нибудь да сапоги. А то у него своя рубашка одна, а то все казенное.

Какъ ножомъ пыряло старика каждое слово старосты. „Безъ паспорта... Этапомъ... Своя рубашка одна...“ повторялъ Петръ Акимовъ и залился горькими слезами.

На утро собрался Петръ и пошелъ за сыномъ. Привелъ его домой.

— Эхъ, ты, горькая твоя голова!—говорилъ старикъ Алексѣю.—Поохотился въ городъ ходить, пожилъ? Ну, что, сладко ли городское-то житье? А? Что жъ молчишь, аль не понравилось? То-то, не зря, видно, я уговаривалъ тебя. Не послушался, ну, такъ вотъ же тебѣ: хлопай теперь глазами передъ міромъ-то крестьянскимъ. Сраму-то, сраму-то сколько... и-и-и,

ты, батюшки мои! А все отчего? Оттого, что на легкую работу да на сладкую ѣду польстился. Вотъ и возьми теперь. Жилъ бы въ деревнѣ-то, хозяиномъ бы былъ, а то вотъ— пастухомъ и остался. Жениться-то теперь— ни одна дѣвка не пойдетъ, забубенная твоя головушка. Эхъ, парень, парень, опозорилъ ты себя и меня!

Молчитъ Алексѣй: чуетъ, что отецъ правду говоритъ, что напрасно польстился онъ на городскую жизнь. Но дѣлать нечего: что прошло, того не воротишь.

И сталъ Алексѣй съ тѣхъ поръ дома жить. Тихій сдѣлался да молчаливый такой, куда веселость прежняя дѣвалась.

Не обижался онъ, что отецъ Степана старшимъ въ хозяйствѣ сдѣлалъ, а понималъ, что такъ и надо; самъ онъ виноватъ, что нѣтъ ему ни довѣрія ни уваженія. И не винилъ въ томъ никого Алексѣй, а свою вину постарался загладить усердной работой и покорностью.

КОНЕЦЪ.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Москвы и С.-Петербурга.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Москвы и С.-Петербурга.

